

1 Когда он приехал в Портмантл, ему было лишь семнадцать, — беглец, как и все мы, только было в этом мальчишке нечто тревожное, чего прежде мы не видели ни в ком из новичков. Тайная мука сковала его скулы, будто в столь юном возрасте ему уже открылись все разочарования мира, законсервировав выражение его лица. Мы знали его как Фуллертона — обычная фамилия, простая, но не из тех, что тонут в глубинах памяти, не оставляя по себе ряби.

Одно ожидание его приезда нарушило привычный уклад и сбilo нас с курса — так, если преждевременно натянуть леер, воздушного змея сметет порывом ветра. Редко когда следили мы с таким вниманием за воротами нашего прибежища или за кем-то из постояльцев. Но его представили нам как особый случай, родственную душу, которая сто́ит нашего времени и интереса. И мы откликнулись.

Нас с самого начала завербовали ему в помощники: Куикмена, Маккинни, Петтифера и меня. Сам директор назначил нам встречу у себя в кабинете, где за стаканчиком гранатового сока объявил, что вскоре Портмантл примет самого юного постояльца в своей истории и что для него, директора, наша поддержка была бы неоценима.

— Поверьте, мне вовсе не хочется обременять вас такой ответственностью, — сказал он. — Но кто-то должен помочь ему освоиться, а Эндеру в одиночку не справиться, с его-то английским. Я хочу, чтобы вы вчетвером приглядели за

мальчиком, пока меня не будет. Вспомните, каково это — быть одаренным в его возрасте и как нужен порой рядом отзывчивый человек.

По правде говоря, отзывчивость наша была куплена намеком на вознаграждение; в обмен на доброе дело — деликатесы с материка: листовой “Эрл Грей”, копченый бекон, овсянка; самые банальные продукты были для нас предметами роскоши, и мы не устояли.

Многое директор оставил без объяснения, многое нам знать не полагалось. Проблемы Фуллертон не подлежали огласке, как и наши собственные. Его личные качества не ставились под сомнение. Причины, по которым он приехал, не обсуждались. Мы просили лишь об одном: хотя бы намекнуть, чем он известен, но добиваться от директора ответов все равно что делать сидр из герани. “Через пару дней сами у него спросите. Я бы не хотел, чтобы к нему относились предвзято еще до его приезда”.

Как заключенные ждут писем, так и мы ждали его прибытия с материка два скучных дня, проклиная его за упущенные рабочие часы. “Если этот мелкий засранец когда-нибудь явится, — сказал Петтифер, — он у меня отработает каждую минуту, что я на него потратил. Для начала отполирует до блеска мои сапоги. Чтоб я мог смотреться в них и видеть, что у меня в носу”.

Это — после того, как мы все субботнее утро помогали завхозу с приготовлениями. Пока Эндер и его подчиненные приводили в порядок отведенное мальчику жилье, мы расчищали занесенные снегом дорожки вокруг особняка, по очереди орудуя лопатой, вот только ночью налетел новый вихрь мохнатых снежинок, и к воскресному обеду о наших трудах напоминали лишь едва заметные борозды. Нашей самоотверженности не хватило на то, чтобы расчищать дорожки дважды, а потому к приезду Фуллертон снег лежал толстым нетронутым слоем.

Спотыкаясь, он взбирался по склону — за спиной холщовый мешок, капюшон ветровки обтягивает голову. Маккинни увидела его в окно столовой — “Опа, а вот и возмутитель спокойствия”, — и, выскочив из-за стола, мы столпились на лестничной площадке, чтобы получше его разглядеть.

Мальчик проталкивался меж засыпанных снегом сосен с таким упорством, что было очевидно: он нуждается в прибежище Портмантла не меньше, чем мы. С первого взгляда мы признали в нем одного из нас. Он обладал торопливой поступью беженца, мрачной поспешностью бойца, за спиной которого разорвалась граната. Мы сразу узнали преследовавших его призраков — таких же призраков мы привели сюда сами и все никак не могли изгнать.

— Парень даже не остановился перевести дух. Впечатляет, — сказал Куикмен, впервые за день удосужившись вытщить трубку изо рта.

Табак у него кончился давным-давно, и чаша трубки была сухая, но ему доставляло удовольствие грызть мундштук — вкус еще чувствуется, настаивал он, и заменяет ему табачный дым. (Он до сих пор носил в кармане пустой пакетик из-под табака “Голден Харвест”, который любил доставать и разглядывать, словно надеясь, что содержимое восполнится по волшебству.)

Маккинни взглянула на мальчика поверх очков.

— Нет, ну кто зимой выходит в такой куртке? — возмутилась она. Пригнувшись, грея руки под мышками, мальчик все еще пытался одолеть склон. — Почему так трудно заставить мужчину надеть нормальное пальто? В том, чтобы замерзнуть насмерть, нет ничего героического.

Из нашей четверки она была самой заботливой — порядком старше остальных и единственная, у кого во внешнем мире были дети. Ее материнские чувства чаще всего пробуждались за обедом — не в силах им противиться, она склоняла голову набок и сообщала нам, как мы исхудали

и осунулись. С таким же видом она теперь следила за мальчиком.

Петтифер фыркнул — его фирменный смешок.

— Ни шапки, ни шарфа, ни перчаток. Это не героизм, а просто какая-то глупость.

Мальчик пробирался сквозь оледеневший средиземноморский кустарник к заснеженной поляне у высокой ограды. Подойдя к воротам, он повалился вперед, схватился за прутья и прижался лбом к металлу, словно в мольбе.

— Посмотрите на него, едва стоит на ногах в этих своих нелепых шлепанцах.

На этой фразе мальчик согнулся пополам и его вырвало. Желтая жижица растекалась у его ног.

— Божечки. А вот и завтрак.

— Ничего смешного, — сказала я. — Он просто вымотался.

От пристани идти целую милю, и все в гору — изнурительная прогулка даже в хорошую погоду. А у мальчика и нормальной обуви-то не было. Неудивительно, что ему стало плохо.

Петтифер ухмыльнулся.

— Откуда тебе знать, может, он съел что-нибудь на материке. Эту их уличную еду, например. Порубленную требуху, которую так обожают турки. Как, бишь, она называется? — спросил он у Куикмена.

— Кокореч, — ответил тот. — Бараньи кишки.

— Вот-вот. Все очень вкусно, пока не окажется у тебя в желудке, и тогда... — Он надул щеки, выдохнул и изобразил рукой извергающийся поток.

— Кто-то должен был его предупредить, — сказала я, не обращая на Петтифера внимания.

— О чем?

— О снеге. Чтобы взял с собой теплых вещей.

— Никто не предупреждал меня о кокорече, — сказал Петтифер. — И ничего, выжил. Он подросток, а не восьмилетка.

Маккинни протерла ладонью запотевшее стекло.

— Тиф прав. Будешь говорить людям, что класть в чемодан, и они начнут приезжать с камердинерами.

— А уж женщины... — Петтифер подмигнул мне. — Нельзя, чтобы они набирали с собой вечерних туалетов.

Такие провокации были издержками общения с Тифом. Он флиртовал на автопилоте, а поскольку выбор в Портмантле был невелик, знаки его внимания — в форме детсадовских подколов — обычно доставались мне. А то, что я не испытывала к нему никакого влечения и регулярно это подчеркивала, лишь придавало ему уверенности в своих силах — типично мужское поведение, по моему опыту. Женоненавистником он был не в большей степени, чем фашистом, и все же любил иногда поразвлечься за мой счет.

Маккинни прильнула к стеклу.

— Небольшие сугробы не остановят того, кому по-настоящему нужно сюда попасть. Будь то мужчина или женщина. И вообще, смотрите: ему уже лучше. Не жалуется.

— Да у него просто в желудке ничего не осталось, — сказал Петтифер. — Все внутренности вон на снегу.

За это ему досталось от меня ботинком по голени.

— Хватит уже упиваться. Когда ты сам в последний раз куда-нибудь взбирался?

— Я в его возрасте кроссы бегал. — Он похлопал себя по брюху. — А теперь вот по утрам не могу с толчка встать.

— Матерь божья, — сказал Куикмен. — Ну и картина.

— Всегда пожалуйста.

С трудом верится, что когда-то Петтифер и Куикмен были для меня чужими. Они прибыли в Портмантл с разницей в один сезон, но сдружились почти сразу — обсуждая за ужина погоду (могли ли два англичанина избрать тему лучше?). Позже, когда мы с Маккинни играли в нарды в тенистом конце веранды, они устроились неподалеку со стаканчиками турецкого чая и принялись шепотом критиковать

нашу игру. “Так и будете весь день по углам ныкаться и хихикать? — спросила она. — Может, тогда покажете нам, как это делается? У нас тут не то чтобы смертельная схватка”. Они извинились и подсели к нам. “Вас никто не учил, — начал Куикмен, — что к любым играм надо подходить серьезно? Мой отец твердил это без конца. (Заподозрив, что он над нами подтрунивает, я насупилась.) И все же, когда у тебя на глазах взрослый мужчина подворачивает ногу, играя в “музыкальные стулья”, начинаешь сомневаться в мудрости этого совета”. Мак рассмеялась своим громким, искренним смехом — и так началась наша дружба. И неважно, что мы сбежали из Британии за тысячи миль, чтобы ничто из прежней жизни не отвлекало нас от работы, — это не помешало нам стать не разлей вода.

— Кто-нибудь видел Эндера? Надо открыть ворота.

Я заглянула в пустеющую столовую, где в очереди за рагу из луфаря* был в последний раз замечен завхоз. Некоторые постояльцы все еще обедали — вместе, но и врозь, за длинным общим столом. Мы не потрудились запомнить их фамилии, зато были наслышаны об их проектах и уже записали их в краткосрочники — “проходные”, как говорил Петтифер, что на его языке значило “таланты пожиже”.

О ценности чужих творений мы судили по сроку пребывания в Портмантле: если вы уезжали спустя всего один сезон, значит, ваш замысел попросту не выдерживал более длительного вызревания. Взять хотя бы испанского поэта, с которым мы беседовали за обедом, гордо заявившего, что трудится над сборником минималистских стихов, избавленных от линейности, повествовательности и смысла. “Важное дело, — заметил Куикмен, поворачиваясь к нам и закатывая глаза. — Если что-то и нужно искоренить из поэзии, так это смысл”. Испанец закивал, глухой к сарказму, и при-

* Луфарь — морская рыба из отряда окунеобразных. — Здесь и далее примеч. перев.

нялся объяснять, как невысказанно сложен его проект, и, надо отдать Куикмену должное, его напускной интерес не ослабевал до самого конца.

Мы дали этому поэту самое большее два сезона. Любой, кто при первой же возможности заговаривал о своем проекте, обычно оказывался краткосрочником — таково было наше мнение. Любой, кто провозглашал себя гением, был мошенником, потому что гению, как выразился однажды Куикмен, некогда любоваться на себя в зеркало — у него слишком много работы. Мы не искали дружбы с краткосрочниками. Пусть трудятся и обретают ясность без нашего участия, а мы и дальше будем штурмовать свои неприступные творения. Никто из нас не желал признать, что, отделившись от остальных, мы сами провозгласили себя гениями, из чего, конечно, следовало, что самые большие мошенники тут мы. Нам даже не приходило в голову, что главное дарование Портмантла стоит у ворот в лужице собственной блевотины.

— Можешь не искать старика, — сказал Куикмен, глядя в окно. — Наш парень сейчас нажмет на кнопку.

Как по команде, по первому этажу прокатились три длинные, дребезжащие трели. Куикмен сунул трубку обратно в уголок рта.

— По местам, — скомандовал он, в голосе — предвкушение.

Звонок раздался вновь.

Эндер, старый завхоз, вышел из столовой с заткнутой за воротник салфеткой. На ней были бледные пятна от рагу. В руке он сжимал ложку.

— Это он? Он звонит?

— Ага, — сказал Петтифер. — Уже, наверное, переохладение заработал. Вы бы поторопились.

— Окей. Иду. Вы оставайтесь здесь. — Сорвав салфетку с воротника и тщательно промокнув усы, Эндер спрятал ложку в нагрудный карман и поспешил вниз. — Вы ждете

в библиотеке, да? — крикнул он, надевая куртку у подножия лестницы. — Я его привожу.

Из окна мы смотрели, как старик пересекает белую целину, оставляя в сугробах провалы следов. По традиции, у него с собой был директорский дробовик — незаряженный, на ремне свисавший с левой руки. На Эндере была его обычная куртка, отороченная светло- и темно-серым мехом — в тон его седине. Дойдя до ворот, он заговорил с мальчиком через железные прутья.

Каждый новоприбывший должен был назвать пароль, который директор менял раз в сезон, обычно это была поэтическая строчка или цитата из его любимого произведения. У нас с Маккинни пароль был одинаковый: “Пойдем на восток, в родные края, одни, помня тебя”*. У Петтифера — “Мы — как ныряльщики в чистейших водах. / Нам лишь бы одряхлевший мир скорей / Покинуть”**. Куикмену достался перевод из Хюсейна Рахми Гюрпынара*** — турецкого писателя, чьи сочинения были академическим фетишем директора, — впрочем, Куикмен утверждал, что дословно цитату не запомнил. Бедному Эндеру приходилось учить эти пароли каждый сезон, на английский остальных работников можно было не рассчитывать. В голове у Эндера, вероятно, понаместалось столько обрывков стихов, что он дал бы фору даже нашему испанцу. Впрочем, за годы службы у него ни разу не возникло необходимости стрелять. Уж слишком хорошо работала система. Любой, кто звонит в ворота Портмантла, должен знать правила входа. В противном случае его заставят повернуть обратно под дулом дробовика.

* Из стихотворения английского поэта Руперта Брука (1887–1915) “День, который я любил”.

** Из сонета Руперта Брука “Мир”. Пер. А. Серебренникова.

*** Хюсейн Рахми Гюрпынар (1864–1944) — классик турецкой литературы, долгое время живший на острове Хейбелиада и похороненный на местном кладбище.

Фуллerton беззвучно произнес пароль, и старик его впустил. Мальчик ступил на территорию усадьбы и, прищурившись, посмотрел в окно над верандой, где стояли мы. Если он и увидел нас, то не подал виду. Он терпеливо ждал, пока Эндер запрет ворота, после чего они гуськом стали пробираться к главному входу.

У крыльца Фуллerton потопал ногами, отряхивая снег, и перекинул мешок на другое плечо. Затем оглянулся туда, откуда пришел, словно ворота были чертой между настоящим и прошлым и ему требовалось несколько мгновений, чтобы почувствовать всю важность происходящего. Мы наблюдали эту странность и у других. Когда-то, так давно, что уже и не вспомнить, каково это было, мы тоже оборачивались у крыльца.

— Пора двигаться, — сказала Маккинни.

Пройдя по коридору, мы вошли в темную библиотеку, где пахло классной комнатой и теснилась до нелепости разномастная мебель. Я раздернула портьеры и включила настольные лампы. Петтифер и Куикмен, опустившись на корточки у камина, обсуждали, не развести ли огонь.

— Как долго от нас требуется изображать радушных хозяев? — поинтересовался Петтифер. — У моих изысканных манер короткий срок годности.

— Давайте уже разжигайте, — сказала Маккинни. — Ему надо согреться.

— По-моему, — вздохнул Петтифер, потянувшись за поленьями, — в последнее время люди как-то слишком часто пользуются плодами моих трудов.

Куикмен пихнул его в бок:

— А нельзя ли попользоваться плодами твоего молчания?

— Ты у меня за это заплатишься.

Куикмен рассмеялся.

— На, подкинь бумагу.

— Ее надо смять, чтобы лучше горела.

Пока они возились у камина, в комнату прошаркал Эндер. Мальчик маячил на пороге, дрожа всем телом. Он кутался в оранжевый плед стандартного образца: из кусачей шерсти с вышитой буквой “П”. Эндер кашлянул.

— Извините, наш гость замерз и устал, так что сегодня не надо много разговоров. Привет-привет и уходим, окей? — Старик сделал шаг в сторону и представил нам мальчика жестом иллюзиониста, завершившего эффектный фокус. — Фуллертон, эти люди заботятся о вас, на сегодня, пока не приехал директор. — Непривычное имя в его исполнении прозвучало как “Фулиртин”. — Они старые, но разговаривать с ними не так уж плохо. Они могут вам понравиться.

— Батюшки, Эндер! — Петтифер поднялся с колен и отрянул сажу с брюк. — Ну зачем так завышать его ожидания?

Мальчик поднял голову и с трудом прошептал: “Здрасьте”. Его так трясло, что плед колыхался, точно парус во время шторма. Вблизи, с опущенным капюшоном, можно было как следует разглядеть его лицо. Карие глаза, маленькие, впалые, близко посаженные, акцентировали стройную колонну носа, опрокинутую мягкими волютами вниз. У него была привычка держать рот приоткрытым — мой отец называл это “ленивая челюсть”, — а кончик языка чуть высывался, придавая губам влажный блеск. Темные волосы легко ложились на пробор, как страницы Библии, раскрытой посередине, челка, по подростковой моде, шторками обрамляла лоб, прикрывая родимое пятно слева. Пожалуй, он был ниже большинства сверстников, но благодаря широким, покатым плечам подносчика кирпичей выглядел взрослее.

Я первая с ним заговорила. Остальные чуть поодаль застыли в нерешительности. Мы почти разучились общаться с посторонними.

— Ну и прогулочка, да? У тебя, наверное, ноги отваливаются. Ты садись. — Почему-то, вместо того чтобы протянуть

ему руку, я вскинула ладонь, как вождь Сидящий Бык. — Я Нелл. С двумя “л”. Приятно познакомиться.

Все еще дрожа, он кивнул.

— Устраивайся у огня. Вон как он разгорелся. Мигом согреешься.

Мальчик подошел к камину. Скинул плед, широко расставил руки и ухватился за каминную полку, впитывая тепло. Сзади казалось, будто он поддерживает стену.

— Два джентльмена справа — это Петтифер и Куикмен. (Они помахали, но мальчик стоял к ним спиной и, похоже, меня не слушал.) А вон там, у окна, Маккинни. Мы с ней живем здесь уже... Ой, даже говорить стыдно.

— Не так давно, как я, — вставил Эндер с порога. — Я уже с белыми волосами.

Он пригладил усы и довольно каркнул.

Мальчик не двинулся с места.

— Пожалуйста, — пробормотал он так тихо, что его голос едва был слышен за потрескиваньем огня, — дайте мне минутку... — Он схватился за живот, и мы на всякий случай отпрянули. Сделав глубокий вдох, он продолжил: — Просто чтобы оттаять. Я все еще пальцев ног не чувствую. — Он повернулся спиной к огню, сияющий силуэт. Зажмурившись, он втягивал воздух носом и выдыхал ртом, губы в трубочку. — Вы рассказывайте... Мне просто нужно... немного отойти...

— Конечно, — сказала я и, присев на диван, переглянулась с Маккинни. Мы обе пожали плечами. — Директор попросил нас тебя встретить. Он подумал, раз мы все тут знаем и говорим с тобой на одном языке, с нами ты быстрее освоишься. Приятно, когда есть с кем поболтать. Он сам хотел ввести тебя в курс дела, но...

Фуллerton по-прежнему глубоко дышал. Понял ли он хоть слово?

— Ему пришлось ненадолго покинуть остров, — продолжила я. — Наверное, приводит в порядок твои бумаги на

случай, если ты захочешь тут задержаться. Так что, боюсь, мы всего лишь замена. Но не волнуйся: с тобой обращаются как с любимым другом.

Тут подал голос Петтифер:

— Вообще-то раньше мы вот так вот не расстилали красную дорожку. *Ни для кого*. — Он прочистил горло, будто ожидая, что намек, крившийся в этом звуке, побудит мальчика заговорить. Но тот ничего не ответил, и Петтифер оскорбленно скрестил руки на груди. — Вот теперь я ощущаю всю прелесть филантропии.

— Оставь его, — сказала Маккинни. — Он только приехал, а мы его уже обступили.

— Да нет... — выдавил мальчик. — Говорю же, я просто замерз. — Он открыл глаза и обвел нас взглядом. — И я ценю ваше дружелюбие, честно. Но я сюда не за друзьями приехал. Я просто хочу переодеться и отдохнуть, и как-нибудь потом мы можем вместе поужинать. Такие ведь тут порядки? Мне сказали, меня оставят в покое.

Куикмен закусил трубку и ухмыльнулся.

— По сути, да. Ужин начинается после звонка. Едим в столовой, таковы правила. Хочешь, мы зайдем тебе место. — Он взглянул на мальчика, прищурив глаза, — слушает ли тот его. — Конечно, есть и другие правила, но самые важные тебе, наверное, уже объяснили. А остальное узнаешь по ходу дела. Или у директора спросишь. Когда он, кстати, вернется?

— Через три дня, — ответил Эндер.

— Ну вот.

Фуллerton растерянно заморгал. Заправил волосы за уши.

— Ладно, пусть Эндер проводит его в домик, — сказала я. И, взглянув на мальчика, добавила: — Нас попросили рассказать тебе, как тут все устроено, ответить на вопросы и тому подобное. Но, если хочешь, мы предоставим тебя самому себе. Если что-нибудь понадобится, мы будем поблизости.